

Казался пусть; но жилъ хозяинъ въ немъ—
Старикъ худой и съ виду величавый,
Озлобленный на новый вѣкъ и нравы“

«Онъ ростомъ былъ двѣнадцати вершковъ;
Съ домашними былъ строгъ неумолимо;
Всегда молчалъ; ходилъ до двухъ часовъ,
Обѣдалъ, спалъ... да иногда, томимый
Бессонницей, собранье острыхъ словъ
Перебиралъ или читалъ Вольтера.
Какъ быть!—сильна къ преданьямъ въ людяхъ вѣра!..

Имѣлъ онъ дочь четырнадцати лѣтъ;
Но съ ней выдался рѣдко; за обѣдъ
Она являлась въ фартучкѣ, съ мадамой,
Сидѣла чинно и держалась прямо».

«Всегда одна, запугана отномъ
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, какъ ландышъ за стекломъ,
Или, скорѣй, какъ блѣдный цвѣтъ подвѣж-
ный».

Она была стройна, но съ каждымъ днемъ
Съ ея лица сбѣгали жизни краски,
Задумчивѣй большіе стали глазки;
Покинувъ книжку сухую, она
Охотнѣе садилась у огня—
И вдалекѣ мечты ея летали,
Пока ее играть не посылали“.

«Тогда она сходила въ длинный залъ,
Но бѣгать въ немъ ей какъ-то странно
было,

И какъ-то странно дѣтскій шагъ звучалъ
Между колоннъ. Разрытою могилой
Надъ юной жизнью воздухъ тамъ дышалъ,
И въ зеркалахъ являлись предметы
Длиннѣе и безцвѣтнѣе, одѣты
Какой-то мертвой дымкою; и вдругъ
Неясный шорохъ слышался вокругъ:
То загремѣть, то снова тише, тише...
[То были тѣни предковъ или мыши].»

„И что жъ?—Она привыкла толковать
По-своему разваливъ говоръ странный,
И стала мысль горячая летать
Надъ блѣдною головкой и туманный,
Воздушный рой видѣній навѣвать.
Я съ ней не разлучался. Дѣтскій лепетъ
Подслушивалъ, невинной груди трепетъ
Слѣдилъ, ея дыханіемъ съ нѣмой,
Мучительной и жадною тоской,
Какъ жизнью, уживался... это было
Смѣшно—но мнѣ такъ ново и такъ мило!“

„Влюбился я... И точно хороша
Была не въ шутку маленькая Нина.
Нѣтъ, никогда свинецъ карандаша
Рафаэля или кисти Перуджина
Не начертали, пламенемъ дыша,
Подобный профиль. Всѣ ея движенья
Особого казались выраженія
Исполнены. Но съ самыхъ дѣтскихъ дней
Ея глаза не измѣняли ей,

Тая равно надежду, радость, горе—
И было темно въ нихъ, какъ въ синемъ
морѣ“.

„Я понялъ, что душа ея была
Изъ тѣхъ, которымъ рано все понятно.
Для мукъ и счастья, для добра и зла
Въ нихъ пищи много; только невовратно
Онѣ идуть, куда ихъ повела
Случайность, безъ раскаянья, упрековъ
И жалобы. Имъ въ жизни вѣтъ уроковъ;
Ихъ чувствамъ повторяться не дано...

Такия души я любилъ давно
Отыскивать по свѣту на свободѣ:
Я самъ вѣдь былъ немножко въ этомъ

„Ее смущали странныя мечты. [родъ!“
Порой, она среди пустого зала
Сіянье, роскошь, музыку, цвѣты,
Толпу гостей и шумъ воображала;
Кипѣла кровь отъ душевной тѣсноты.
На платяницѣ чудесные узоры
Видѣлись ей—и вотъ гремѣли шпоры:
Къ ней кавалеръ незримый подходилъ
И въ мнимый вальсъ съ собою уносилъ;
И вотъ она кружилась въ вихрь бала,
И, утомясь, на кресла упала...»

«И тутъ она, склонивъ лукавый взоръ
И выставивъ едва примѣтно ножку,
Двусмысленный и темный разговоръ
Съ нимъ завести старалась понемножку.
Сначала былъ онъ веселъ и остеръ,
А иногда и черзчуръ небреженъ;
Но подъ конецъ за то какъ миль и нѣ-
женъ!..

Что дѣлать ей? Притворно-строгий взглядъ
Его, какъ громъ, отталкивалъ назадъ,
А сердце билось въ ней такъ шибко, шиб-
ко...

И по устамъ змѣлилася улыбка».

«Предъ зеркаломъ, бывало, цѣлый часъ
То волосы пригладить, то красивый
Цвѣтокъ прищипить къ нимъ; движенью
глазъ,

Головкѣ наклоненной видъ лѣнивый
Придавъ, стоитъ... и учится. Не разъ
Хотѣлось мнѣ совѣтъ ей дать лукавый;
Но умъ ея, и смѣтливый и здравый,
Отдаивалъ все мигомъ самъ собой...
Такъ годы шли безмолвной чередой,
И вотъ настала тотъ возрастъ, о которомъ
Такъ полны ваши книги всякимъ вздоромъ».

„То былъ великій день: семнадцать лѣтъ!
Все, что досель таилось за рѣшеткой,
Теперь надменно явится на свѣтъ!..
Старикъ-отецъ послалъ за старой теткой,
И съѣхались родные на свѣтъ:
Ихъ затруднилъ удачный выборъ бала.
Что, будетъ дворъ, или нѣтъ? Иныхъ пу-
гала

Застѣнчивость дикарки молодой;
Но очень тонко замѣчалъ другой,